DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-77-97

А.В.Семенов, Э.Ю.Минаева

ИМПУЛЬС МОБИЛИЗАЦИИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

Андрей Владимирович Семенов — кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. Для связи с автором: andre.semenoff@gmail.com.

Элеонора Юрьевна Минаева — магистр политологии, докторант Европейского университетского института во Флоренции (Италия). Для связи с автором: eleonora.minaeva@eui.eu.

Аннотация. Статья посвящена изучению связи между протестами и выборами в авторитарном контексте. Задействовав понятие «импульс мобилизации», авторы пытаются выяснить, способны ли интенсивные и массовые коллективные действия накануне выборов повлиять на электоральную мобилизацию и поддержку «партии власти», и если да, то в каком направлении.

Опираясь на современную литературу по исследуемой тематике, авторы выделяют две альтернативные модели возможного электорального эффекта импульса мобилизации. Согласно первой, прорывая информационную блокаду и сигнализируя гражданам о широком недовольстве политикой властей, интенсивные массовые протесты способствуют повышению явки и снижению поддержки провластных сил. Согласно второй, такие протесты вполне могут работать на повышение электоральных показателей «партии власти», поскольку одним из их следствий нередко бывает мобилизация лояльного правящим кругам электората.

Проверка этих моделей на данных электорального цикла 2011—2016 гг. в России с использованием стандартной множественной линейной регрессии, а также методов разницы в различиях и синтетического контроля дает неоднозначные результаты. Выясняется, что импульс мобилизации имеет слабый электоральный эффект или даже позитивно сказывается на показателях «партии власти», однако его влияние может зависеть от пороговых значений: в наиболее протестных городах поддержка «Единой России» оказывается ниже, чем была бы при отсутствии импульса мобилизации. Вместе с тем проделанная авторами работа убедительно показывает, что российский материал в сочетании с современными методами анализа открывает пре-

красную возможность для исследований на пересечении сфер политического участия и электоральной политики.

Ключевые слова: импульс мобилизации, коллективные действия, электоральная политика, «партия власти»

Введение

Коллективные протестные действия имеют большое значение не только для уличной политики, частью которой они являются по определению, но и для электоральных процессов. Однако в последнем случае их роль не вполне понятна. Могут ли протесты повлиять на предпочтения и поведение избирателей, в частности на поддержку ими действующей власти, и если да, то в каком направлении? Например, в электоральных автократиях порождаемый ими *импульс мобилизации* теоретически может работать как против «партии власти», снижая ее поддержку за счет включения сигнального механизма (о котором подробнее будет сказано ниже), так и в ее пользу — в силу сплочения прорежимного электората и интенсификации действий властей по мобилизации сторонников.

Если применительно к демократиям связь между протестом и выборами относительно хорошо изучена, то в случае автократий внимание большинства исследователей сосредоточено на так называемых электоральных революциях, когда национальные выборы, омраченные фальсификациями, служат фокальными точками мобилизации[1]. Более приземленная функция протестов, а именно их влияние на поведение избирателей, остается вне поля исследовательского интереса.

[1] См., напр. Magaloni 2010; Rød 2019.

В настоящей статье предпринята попытка прояснить эту функцию на материалах электорального цикла 2011—2016 гг. в России. В этот период в РФ происходит постепенное снижение прозрачности и качества государственного управления[2]. Контроль над СМИ, вытеснение оппозиции из публичного поля и усиление репрессивного аппарата негативно сказываются на характере доступной гражданам информации, на основе которой они формируют свои политические предпочтения. Коллективные протестные действия остаются одним из немногих способов не только предъявить требования государству, но и рассказать о своем недовольстве широкой публике. Наблюдая за публичными протестами, избиратели могут менять свои представления о политике должностных лиц и наказывать их на выборах.

[2] Гельман 2019.

Но не каждое протестное событие способно привлечь внимание избирателей, а тем более изменить их политические предпочтения. Чтобы мобилизация повлияла на электоральные решения, она должна набрать импульс до дня выборов. Опираясь на уникальный набор данных о более чем 8200 протестных событиях в регионах России в 2012—2016 гг., мы вычисляем импульс мобилизации накануне федеральных выборов 2016 г. и оцениваем его электоральный эффект для доминирующей партии («Единой России») с помощью модели разницы

в различиях. Мы используем также метод синтетического контроля для отдельных регионов и выявляем гетерогенность воздействия импульса мобилизации на голосование за «Единую Россию».

Структура статьи выглядит следующим образом. В первых двух разделах мы анализируем роль коллективных действий в контексте электорального авторитаризма и формулируем гипотезы относительно того, как сигнал от масштабных протестов переходит в электоральное поведение, а также о возможной контрреакции действующей власти. Далее мы представляем обзор используемых данных, переменных и методологии. Эмпирическая часть исследования включает в себя регрессионный анализ и анализ отдельных случаев, основанный на методе синтетического контроля.

Протесты в электоральных автократиях

Электоральные манипуляции затрудняют авторитарным лидерам доступ к информации о реальных запросах общества. В этом контексте массовые протесты выполняют двоякую роль: с одной стороны, они сигнализируют об общественном недовольстве, с другой стороны, даже небольшая мобилизация может подорвать устойчивость режима. Согласно исследованию Эрики Ченовет и Маргериты Бельджойозо, для подрыва действующей системы власти достаточно мобилизовать 3,5% населения[3]. Массовые волнения также являются одним из мощнейших предикторов «демократизации по ошибке» — неожиданной смены режима в результате попыток инкумбента исправить собственные промахи, ослабившие его власть[4].

[3] Chenoweth and Belgioioso 2019: 1088.

[4] Treisman 2020.

Авторитарные режимы видят в коллективных действиях потенциальную угрозу для своей стабильности и нередко прибегают к насильственным методам их подавления в форме целенаправленных репрессий и дискредитации отдельных лидеров или протестных движений в целом. Подобная реакция особенно часто встречается в случае политических протестов, направленных против действующих правительств или критикующих режим[5]. Ведь даже частичное удовлетворение требований такого рода протестных кампаний может вызвать «эффект домино», когда очередной раунд уступок лишь увеличивает число протестующих (как это было, например, в Судане в 2019 г.[6]).

[5] Lankina, Watanabe, and Netesova 2020.

[6] Turner 2023.

Тем не менее протесты служат и важным информационным ресурсом. При отсутствии запрета на нереволюционные протесты по социально-экономическим вопросам сама их возможность способна не подрывать, а укреплять стабильность режима, помогая власти поддерживать контроль над действиями бюрократии[7]. В свою очередь применение насилия и репрессий может отталкивать даже сторонников режима, что побуждает автократов усиливать информационный контроль[8]. Занимая командные позиции в медиа-пространстве, авторитарные лидеры диктуют нарратив о ключевых политических событиях, фильтруют нежелательную информацию и мобилизуют поддержку граждан[9]. Кроме того, автократии ограничивают доступ к ключевым документам и ста-

[7] Mirić and Pechenkina 2022.

[8] Guriev and Treisman 2020.

[9] Gehlbach 2010; Gehlbach and Sonin 2014; Carter E.B. and Carter B.L. 2023.

тистике, подавляют независимые СМИ и нарушают коммуникацию с общественностью[10].

[10] *Hollyer, Rosendorff, and Vreeland 2015, 2019.*

Очевидно, что в такой ситуации информация, на которую могут опираться избиратели при оценке действующего правительства, ограничена и искажена. Но даже в информационно бедной среде они не могут не видеть значимых изменений в своей частной жизни и жизни страны, что сказывается и на их электоральных предпочтениях. Избиратели могут отказаться от поддержки инкумбента и «партии власти», реагируя на реальное[11] или потенциальное[12] ухудшение экономических условий, а также в случае роста безработицы и других экономических проблем[13].

[11] *Rosenfeld 2018.*

[12] *Treisman 2011.*

[13] *Beazer and Reuter 2019.*

По оценке некоторых исследователей, волна протестной мобилизации в России в 2011—2012 гг. повысила вероятность того, что граждане, голосовавшие за президента в 2008 г., откажут режиму в поддержке на выборах 2012 г.[14] Однако на практике она не оказала сколько-нибудь сильного влияния на колеблющуюся часть избирателей и не вызвала смещения лояльного электората, стимулировав скорее уход от политического участия в целом.

[14] *Tertytchnaya 2020.*

Так способны ли избиратели переосмыслить деятельность «партии власти», наблюдая за масштабными и интенсивными протестными действиями? При поиске ответа на этот вопрос важно учитывать, что типичная электоральная автократия использует множество инструментов для обеспечения лояльности, применяя клиентелистские стратегии покупки явки и голосов[15]. Следовательно, протестные события могут не только подталкивать избирателей к пересмотру своего отношения к режиму, но и сигнализировать властям о необходимости усиления мобилизации в свою пользу. Исходя из этих соображений, мы и строили свои исследовательские гипотезы.

[15] *Schedler (ed.) 2006; Magaloni 2006; Gandhi 2008.*

Сигнальная функция коллективных действий в контексте российских выборов

Наше первое предположение заключается в том, что протесты, способные набрать достаточный импульс накануне выборов, могут пробить информационную блокаду и подтолкнуть избирателей к уменьшению электоральной поддержки находящейся у власти партии. Широкомасштабные и интенсивные коллективные действия делают явным накопившееся в обществе недовольство текущей ситуацией и обнажают провалы в политике действующей власти, которые иначе могли бы остаться незамеченными. Исследования показывают, что протесты помогают гражданам осознать масштабы политической и/или электоральной несправедливости (например, что их голоса были украдены и фальсификация изменила исход выборов[16]). При этом такое воздействие может затронуть не только колеблющихся, но и тех, кто был ранее лояльно настроен к режиму. Существующие исследования также демонстрируют, что сторонники режима, будучи глубоко убеждены в его силе и честности выборов, остро реагируют на информацию об электоральных манипуляциях[17]. Политизация путем привязки конкретных жалоб к дей-

[16] *Beissinger 2007.*

[17] *Reuter and Szakonyi 2021.*

ствиям/бездействию государственных органов побуждает людей занять позицию по освещаемым проблемам, а по мере роста числа участников протеста информация о нем распространяется по неофициальным каналам (все чаще через социальные сети).

Два параметра мобилизации могут определять ее влияние на электоральные предпочтения. В отличие от изменения экономических условий, акции протеста редко наблюдает все население. Для того чтобы привлечь внимание общественности к электоральным сюжетам, мобилизация должна быть заметной и происходить незадолго до дня голосования. Заметность может быть достигнута за счет большого количества участников, интенсивности или специфического «репертуара» (например, прямых действий вроде блокирования дорог). В свою очередь временна́я близость к моменту электорального события означает, что люди еще не забыли об имевших место протестах. Как минимум речь идет о протестах в рамках того же электорального цикла, и реалистично ожидать, что чем ближе мобилизация ко дню голосования, тем выше вероятность ее связи с выбором избирателей.

Как отмечают Ченовет и Бельджойозо, «хотя размах мобилизации... является ключевым детерминантом успеха массовых кампаний, это не полноценный индикатор потенциала движения»[18]. Даже масштабные, но редкие акции протеста могут не запомниться, а интенсивные, но небольшие по числу участников кампании остаться незамеченными широкой публикой. Важно сочетание интенсивности и масштаба, или импульс мобилизации, который определяется через количество участников («массу») и концентрацию их активности во времени («скорость»). Формально импульс вычисляется как произведение числа участников (взвешенного на численность населения) и интенсивности протестных акций. Таким образом, наша основная гипотеза звучит так:

[18] Chenoweth and Belgioioso 2019: 1088.

H1a: Чем выше импульс мобилизации накануне дня голосования, тем сильнее падает поддержка действующей власти на выборах.

Вместе с тем есть основания полагать, что сигнальная функция протестов накануне выборов будет иметь обратный эффект и приведет к усилению поддержки действующей власти. Во-первых, протестная мобилизация может напугать избирателей перспективой дестабилизации и снижения уровня жизни. В частности, это касается представителей среднего класса, обязанных своим положением государству, которые, согласно исследованиям Брин Розенфельд, не склонны поддерживать протестные акции[19]. Во-вторых, действующая власть может использовать контроль над медиа-средой для делегитимации коллективных действий и акцентирования негативных эффектов протестов, фреймирования их как деструктивных событий, вносящие разлад в повседневную жизнь. В подобных условиях у недовольных режимом избирателей может усилиться недоверие к институтам вообще и к оппозиции в частности, а также к самой идее участия в политике[20]. На этом

[19] Rosenfeld 2020.

[20] Tertytchnaya and Lankina 2020.

фоне власть может задействовать политические машины, мобилизующие электорат посредством «кнута и пряника», и/или прибегнуть к электоральным манипуляциям[21]. Отсюда — альтернативная гипотеза:

[21] Stokes 2005.

H1b: Чем выше импульс мобилизации накануне дня голосования, тем сильнее возрастает поддержка действующей власти на выборах.

Протестная мобилизация накануне выборов должна также способствовать «политизации»: повышению осведомленности и готовности участвовать в избирательной кампании. Для сторонников status quo широкая мобилизация может нести в себе угрозу благосостоянию, а значит — стимулировать их к активной поддержке действующей власти. Симметрично, масштабные коллективные действия могут вести к мобилизации оппозиционных избирателей (которые вряд ли сменят свою позицию). Другими словами, повышенная протестная активность перед выборами способна электорально заряжать обе группы. Исходя из этих соображений, мы формулируем следующую гипотезу:

H2: Чем выше импульс мобилизации накануне выборов, тем выше явка на выборы.

Наша теоретическая модель также предполагает гетерогенность эффекта сигнальной функции протестов: чтобы широкий круг избирателей знал о них, необходимы каналы передачи соответствующей информации. Обладая «широкими возможностями цензуры и влияния на общественное мнение, а также слежения за представителями оппозиции»[22], авторитарные режимы скорее выигрывают от наличия медиа и веб-технологий. Даже при крупных интенсивных кампаниях (какой была, например, кампания «За честные выборы!» в России) жесткий контроль над СМИ позволяет им сглаживать риски распространения информации о протестах. Вместе с тем развитие средств массовой коммуникации может способствовать организации антиправительственных движений[23]. Иначе говоря, качество медийной среды и особенно доступность альтернативных средств коммуникации вроде социальных сетей и мессенджеров имеют значение. Из этого вытекает такая гипотеза:

[22] Rød and Weidmann 2015: 339.

[23] Howard and Hussain 2013.

H3: Увеличение степени независимости медиа усиливает влияние импульса мобилизации на электоральные исходы.

Наконец, важным условием распространения информации о протестах является политическая конкуренция. Если в условиях политического плюрализма и низкой репрессивности граждане могут высказывать свои требования к власти по всем легальным каналам, то авторитарные системы, будучи «открыты для голосования, которое может быть использовано для легитимации режима... гораздо менее открыты

по отношению к неэлекторальным формам политического участия»[24]. Соответственно, там, где политическая конкуренция выше, эффект импульса мобилизации должен быть сильнее:

[24] Li 2021: 307.

H4: Повышение степени политической конкуренции усиливает влияние импульса мобилизации на электоральные исходы.

Обратимся к тестированию представленных гипотез.

Данные, идентификационная стратегия и результаты

Как уже упоминалось, настоящее исследование строится на материалах федерального электорального цикла 2011—2016 гг. Мы фокусируемся на региональных столицах, где сконцентрирован основной объем протестных действий в России[25]. В качестве зависимых переменных выступают доля голосов, поданных за «Единую Россию», и явка на федеральных выборах 2011 и 2016 гг. Данные взяты с официальных сайтов территориальных избирательных комиссий (ТИК), входящих в соответствующий городской округ. Ключевой независимой переменной является импульс мобилизации в региональных столицах, который операционализируется двумя способами: «мягким» (оценка импульса за полгода до дня голосования, отражающая кумулятивный эффект мобилизации) и «жестким» (оценка импульса за два месяца до выборов, то есть в рамках наиболее активной фазы избирательной кампании).

[25] Robertson 2013; Семенов и Попкова 2020.

Информация о протестах почерпнута из базы данных Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского университета «Состязательная политика в России» (CPR)[26]. Данные охватывают период 2012—2016 гг., все регионы, около 1200 уникальных локаций и 8243 наблюдения на уровне событий. При «мягкой» оценке число участников протестов варьирует от одного (одиночные пикеты) до 24 тыс. (марш памяти Бориса Немцова в Москве 27 февраля 2016 г.) при медианной численности — 60 человек. Всего протесты затронули 46 городов[27]. При «жесткой» оценке протестные акции зафиксированы лишь в 10 городах (в августе — начале сентября 2016 г.).

[26] Семенов 2018.

[27] Не все протестные акции носили антиправительственный характер. Например, в Грозном прошла массовая демонстрация «Сила в единстве» в поддержку Рамзана Кадырова. Такие акции были исключены из анализа.

Для тестирования третьей гипотезы использован субкомпонент «независимость СМИ в регионе» индекса региональной демократизации Николая Петрова и Алексея Титкова, который отражает степень автономии средств массовой информации от региональной власти, их охват (аудиторию) и роль в политической жизни[28]. Субкомпонент измеряется по шкале от 1 до 5: чем больше значение, тем выше степень независимости СМИ в регионе.

[28] Петров и Титков 2013: 6.

Четвертая гипотеза проверяется при помощи метрики эффективного числа партий (ЭЧП) для региональных легислатур в цикле 2011—2016 гг. Поскольку не все городские ассамблеи имели списочную часть, нам пришлось полагаться на данные регионального уровня, которые, как нам кажется, вполне релевантны и для выборов в городских столицах, ведь именно там сконцентрирована значительная часть региональ-

ного электората и происходит основная избирательная кампания. При расчете ЭЧП мы задействуем формулу Григория Голосова[29], которая позволяет учитывать особенности выборов при наличии доминирующей партии[30]. Чем выше значение индекса ЭЧП, тем более конкурентна и плюралистична политическая среда в регионе и, опосредованно, в его столице.

[29] Golosov 2011.

[30] Panov and Ross 2019.

В качестве контрольных используются две переменные: естественный прирост населения в городе, который отражает в том числе общие изменения в социальной инфраструктуре, и динамика безработицы между 2013 (первый доступный для наблюдения год) и 2016 г. Вторая переменная схватывает как объективные экономические процессы (открытие/закрытие новых производств, общий бизнес-климат), так и субъективные ощущения граждан (представления о собственных экономических перспективах в связи ростом/падением безработицы). Данные почерпнуты из Базы данных показателей муниципальных образований Росстата. К сожалению, такая конвенциональная метрика благосостояния населения, как валовой продукт, на муниципальном уровне отсутствует.

Выбор для проверки гипотез избирательного цикла 2011—2016 гг. обусловлен как содержательно, так и методологически. Цикл начался с массовой кампании «За честные выборы!», спровоцировавшей серьезные изменения правил политической игры, включая электоральные. Были возвращены прямые выборы губернаторов и смешанная формула на выборах в Государственную Думу (в предыдущем цикле использовалась полностью пропорциональная), либерализовано законодательство о политических партиях и вместе с тем внедрены дополнительные методы контроля над партийным строительством[31]. Накануне выборов сентября 2016 г. федеральные власти сделали ставку на «сушку явки», что привело к ее падению с 60,21% (в 2011 г.) до 47,88%. В этих условиях, если следовать нашей теории, импульс мобилизации должен был оказаться особенно значимым: на фоне снижения конкуренции и введения дополнительных ограничений для независимых кандидатов и внепарламентской оппозиции яркие массовые кампании могли стать стимулом для повышения явки и протестного голосования. Таким образом, вероятность проявления эффектов импульса мобилизации в рамках данного электорального цикла представляется особенно высокой[32].

[31] Golosov 2012; Кынев 2016, 2017.

[32] Gomm, Hammersley, and Foster 2000.

В качестве базовой стратегии выступает линейная регрессия. Ее результаты при «мягкой» операционализации импульса представлены в *табл. 1*. Для оценки t-статистики использованы робастные стандартные ошибки.

Как видно из таблицы, линейная регрессия не подтверждает наши основные гипотезы, хотя коэффициент логарифма импульса и имеет отрицательный знак, подразумевая, что чем выше был импульс мобилизации в 2016 г., тем меньше голосов на федеральных выборах получила ЕР в этом городе (при контроле на остальные ковариаты). Не оказались значимыми на конвенциональном уровне в 0,05 и интеракционные

Таблица 1 Результаты линейной регрессии с робастными стандартными ошибками при «мягкой» операционализации импульса мобилизации[33]

Переменная	*Изменения в % за ЕР*			*Изменения в явке (2011—2016)*		
	Модель 1	*Модель 2*	*Модель 3*	*Модель 4*	*Модель 5*	*Модель 6*
Свободный член	**-14,50**	-11,30	-13,06	**-10,02**	-5,26	-8,71
Импульс (log)	-0,04	-2,07	-0,95	0,69	-2,31	-0,13
ЭЧП	**6,30**	**6,41**	**5,81**	-2,16	-2,01	-2,61
Медиа	0,85	-0,35	0,82	0,05	-1,73	0,02
Прирост	-0,78	-0,86	-0,78	-1,00	-1,11	-1,00
Безработица	-0,13	-0,12	-0,12	-0,38	-0,37	-0,37
Импульс * Медиа		0,64			0,95	
Импульс * ЭЧП			0,33			0,30
N	69	69	69	69	69	69
R^2 / скорр. R^2	0,267 / 0,209	0,275 / 0,205	0,268 / 0,197	0,103 / 0,031	0,128 / 0,043	0,104 / 0,018

[33] Здесь и далее полужирным шрифтом выделены коэффициенты с p-value < 0,05.

эффекты. Единственной переменной, систематически связанной с изменением в голосовании за «партию власти», является ЭЧП: чем выше ее значение, тем большим был прирост голосов за ЕР в рамках рассматриваемого электорального цикла. Аналогичным образом обстоит дело и в случае «жесткой» операционализации импульса (см. *табл. 1 Приложения*).

Наша вторая идентификационная стратегия базируется на допущении, что импульс мобилизации имеет вес только тогда, когда он превышает определенную пороговую величину. Экспериментальное воздействие тоже операционализируется двумя способами: (1) импульс мобилизации в городе превышает медианное значение за полгода до дня голосования; (2) в городе наблюдается хотя бы минимальная протестная активность за два месяца до выборов[34]. Основная спецификация выглядит так:

[34] В данном случае мы исходим из того, что наши оценки интенсивности и численности протестов, а значит, и импульса мобилизации занижены.

$$Y_{ct} = \alpha + \beta * Momentum_c + \gamma * Year2016 + \mu * Treatment_c * \\ * Year2016 + \theta * X_{ct} + \tau * Zg + \varepsilon_c t,$$

где Y_{ct} — вектор значений зависимой переменной для городов из выборки во временнóй период t; Momentum — принадлежность к группе под экспериментальным воздействием; *Year*2016 — фиктивная переменная для наблюдений в 2016 г.; X и Z — ковариаты на городском и региональном уровнях соответственно. Интерес представляет коэффициент μ, который отражает оценку эффекта воздействия на зависимую переменную (процент голосов за ЕР и явку).

Представленные в *табл. 2* результаты анализа (при «мягкой» операционализации импульса мобилизации) свидетельствуют об отсутствии значимых эффектов воздействия. Можно лишь констатировать, что с 2011 г. голосование за ЕР выросло, а явка на выборы упала независимо от того, наблюдалась ли широкая и интенсивная мобилизация в городе или нет.

Таблица 2 **Результаты модели разницы в различиях с «мягкой» операционализацией импульса мобилизации**

Переменная	*% голосов за ЕР*		*Явка*	
	Модель 1	*Модель 2*	*Модель 3*	*Модель 4*
Свободный член	81,80	81,21	87,10	86,55
Импульс * Год (2016)	0,38	1,33	0,78	-4,25
Импульс	3,52	-0,58	-0,89	0,46
Год (2016)	3,75	**3,78**	**-14,18**	**-13,42**
ЭЧП	**-16,72**	**-16,71**	**-12,46**	**-12,23**
Независимые медиа	0,25	1,02	-0,30	-0,55
Коэффициент прироста населения	0,13	0,09	0,45	0,47
N	144	144	144	144
R^2 / R^2 adjusted	0,636 / 0,620	0,627 / 0,611	0,567 / 0,549	0,571 / 0,552

Наша последняя стратегия предполагает использование метода синтетического контроля для наиболее протестного города в выборке — Челябинска. Накануне выборов сентября 2016 г. в Челябинске (и Челябинской области в целом) развернулась крупная кампания против строительства Томинского горно-обогатительного комбината, в которой участвовали тысячи протестующих; кроме того, в городе протестовали обманутые дольщики и жильцы аварийных домов. Совокупно с апреля по сентябрь 2016 г. в регионе состоялась 21 акция протеста, при этом в протестах было задействовано от 2,5 до 11 тыс. человек[35]. В итоге значение импульса мобилизации в Челябинске оказалось выше, чем в других рассмотренных нами городах.

Метод синтетического контроля применятся к неэкспериментальным данным для моделирования контрфактического сценария (то есть отсутствия экспериментального воздействия) на основе взвешенных значений из набора наблюдений без экспериментального воздействия[36]. Наблюдаемое значение исследуемой переменной (в нашем случае — процента голосов за ЕР и явки на выборы) сравнивается с оценкой ее

[35] Разброс в цифрах связан с расхождениями между официальной статистикой и данными СМИ и/или активистов. В случае подобных расхождений для вычисления импульса использовалось усредненное значение.

[36] Abadie, Diamond, and Hainmueller 2015; Abadie 2021.

значения в контрфактическом сценарии, что позволяет сделать вывод об эффекте экспериментального воздействия. В настоящем исследовании был использован донорский набор из 54 наблюдений с показателями явки / процента голосов за ЕР на уровне города, а также ЭЧП, индекса демократии и медиа-свобод на уровне региона[37]. Результаты моделирования при помощи пакета tidysynth в программной среде R представлены на *рис. 1*.

[37] Москва и Нарьян-Мар были исключены из донорского набора, поскольку для первой невозможно было вычислить ЭЧП в силу мажоритарной системы, а по второму отсутствовали данные для оценки.

Рисунок 1 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «процент голосов за ЕР на выборах 2016 г. в Государственную Думу», Челябинск**

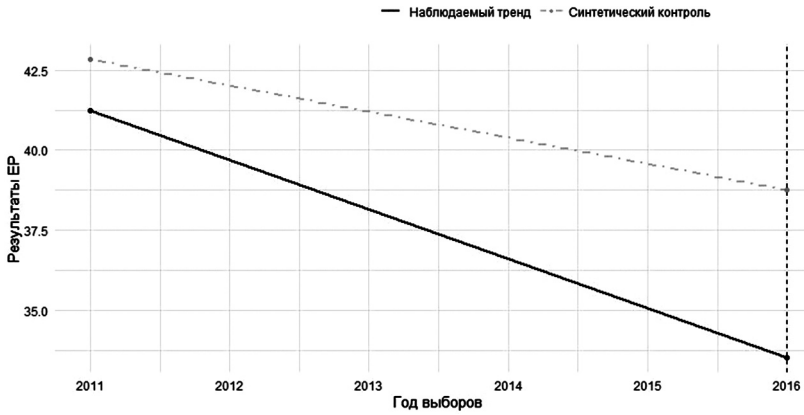
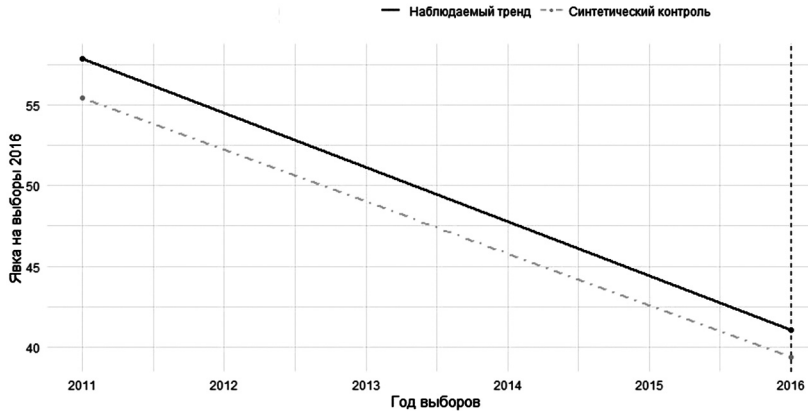


Рис. 1 демонстрирует, что в отсутствие экспериментального воздействия (интенсивной массовой мобилизации накануне выборов сентября 2016 г.) результаты «партии власти» должны были быть выше на 5,1%. Моделирование воздействия на явку, однако, не выявляет значимого эффекта: хотя в наблюдаемом сценарии результаты за 2016 г. несколько ближе к контрфактическому, тренды фактически остаются параллельными (см. *рис. 2*). Иными словами, метод синтетического контроля подтверждает гипотезу H1а, но не дает оснований говорить о подтверждении гипотезы H2.

В целях дополнительного тестирования гипотез мы подвергли синтетическому контролю город со средним показателем импульса мобилизации, а именно Петропавловск-Камчатский. Как видно из *рис. 1 Приложения*, в данном случае наблюдаемые значения голосования за ЕР оказались близки к контрфактическим (то есть воздействие привело к незначительному увеличению голосования за партию власти), что свидетельствует скорее в пользу гипотезы H1б. Несколько приблизилась к контрфактической и наблюдаемая явка на выборы (см. *рис. 2 Приложения*), тем самым отчасти подтверждая гипотезу H2.

Рисунок 2 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «явка на выборы в Государственную Думу 2016 г.», Челябинск**



В целом приходится констатировать, что результаты статистического моделирования неоднозначны. Ни линейная модель, ни модель разницы в различиях не подтверждают наши основные гипотезы, равно как и предположения об интерактивных эффектах. Возможно, это вызвано гетерогенностью нашей ключевой независимой переменной (импульс мобилизации), способной схватывать самые разные протесты на субнациональном уровне. «Сигнальная сила» коллективных действий неодинакова и зависит от характера требований, репертуара и ряда иных параметров. Кроме того, можно предположить наличие «порогового эффекта»: чтобы быть достаточным стимулом для изменения политических предпочтений избирателей, коллективные действия должны достичь определенного уровня массовости и интенсивности (например, необходимых для регулярного обсуждения в СМИ). Но все это требует дополнительной проверки.

Заключение

В настоящем исследовании мы предприняли попытку выяснить, могут ли интенсивные и массовые коллективные действия накануне выборов повысить электоральную мобилизацию и снизить поддержку «партии власти». Используя понятие «импульс мобилизации» и материалы электорального цикла 2011—2016 гг. в России, мы сконструировали несколько статистических моделей для проверки двух основных и двух дополнительных гипотез. И хотя эти гипотезы не подтвердились (при том что выбранный для анализа цикл являлся наиболее благоприятным для проявления эффекта импульса мобилизации), полученные нами результаты указывают на перспективные направления дальнейшей ра-

боты, в первую очередь связанные с гетерогенностью ключевой независимой переменной, а также с предположением о наличии порога в эффекте воздействия.

Побочным продуктом нашего анализа стало эмпирическое наблюдение о сближении показателей поддержки «партии власти» в относительно конкурентных и неконкурентных регионах. В принципе данная тенденция уже фиксировалась, однако в нашем случае речь идет о региональных столицах, которые всегда демонстрировали собственную динамику.

В целом наше исследование ставит вопрос о применимости методики, разработанной Ченовет и Бельджойозо для национальных движений, при изучении субнациональных протестов и их влияния на электоральные процессы. Неоднозначность результатов может объясняться как авторитарным контекстом (в частности, интенсивные и массовые протесты могут быть использованы провластными медиа для демобилизации оппозиционных избирателей), так и особенностями российской политической культуры: учитывая «элитно ориентированный» характер политического участия в России[38], массовые протесты могут вызвать отторжение у медианного избирателя или даже породить движение в защиту status quo. Но какими бы ни были альтернативные объяснения, российский материал в сочетании с современными методами анализа открывает прекрасную возможность для исследований на пересечении сфер политического участия и электоральной политики.

[38] *Lussier 2017.*

Библиография

Гельман В.Я. (2019) «*Недостойное правление»: Политика в современной России*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Кынев А.В. (2016) «Российские выборы-2016: предсказуемая кампания с непредсказуемыми последствиями» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 6: 57—74. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m71ltrene0/direct/201381768?ysclid=lnizkmx76j568881956 (проверено 29.10.2023).

Кынев А.В. (2017) «Государственная Дума РФ VII созыва: между „спящим потенциалом“ и партийной дисциплиной» // *Полития*, № 4 (87): 65—81. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-65-81.pdf (проверено 29.10.2023).

Петров Н. и А.Титков. (2013) *Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю*. М.: Московский центр Карнеги. URL: https://www.hse.ru/data/2014/04/27/1336134094/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (проверено 29.10.2023).

Семенов А. (2018) «Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации» // *Социологическое обозрение*, т. 17, № 2: 317—341. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2018/06/30/1153085896/SocOboz_17_2_317-341_Semenov.pdf?ysclid=lql255ez2t409498583 (проверено 29.10.2023).

Семенов А.В. и Е.С.Попкова. (2020) «Реакция власти на политическую мобилизацию в России (На примере кампании Алексея Навального 2017—2018 годов)» // *Полития*, № 2 (97): 142—157. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-142-157.pdf (проверено 29.10.2023).

Abadie A. (2021) «Using Synthetic Controls: Feasibility, Data Requirements, and Methodological Aspects» // *Journal of Economic Literature*, vol. 59, no. 2: 391—425.

Abadie A., A.Diamond, and J.Hainmueller. (2015) «Comparative Politics and the Synthetic Control Method» // *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 2: 495—510.

Beazer Q.H. and O.J.Reuter. (2019) «Who Is to Blame? Political Centralization and Electoral Punishment under Authoritarianism» // *The Journal of Politics,* vol. 81, no. 2: 648—662.

Beissinger M.R. (2007) «Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions» // *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 2: 259—276.

Carter E.B. and B.L.Carter. (2023*) Propaganda in Autocracies: Institutions, Information, and the Politics of Belief.* Cambridge: Cambridge University Press.

Chenoweth E. and M.Belgioioso. (2019) «The Physics of Dissent and the Effects of Movement Momentum» // *Nature Human Behaviour*, vol. 10, no. 3: 1088—1095.

Gandhi J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gehlbach S. (2010) «Reflections on Putin and the Media» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 26, no. 1: 77—87.

Gehlbach S. and K.Sonin. (2014) «Government Control of the Media» // *Journal of Public Economics*, vol. 118, issue C: 163—171. URL: https://scottgehlbach.net/wp-content/uploads/2014/01/Gehlbach_Sonin_Media.pdf (accessed on 29.10.2023).

Golosov G.V. (2011) «Party System Classification: A Methodological Inquiry» // *Party Politics*, vol. 17, no. 5: 539—560.

Golosov G.V. (2012) «The 2012 Political Reform in Russia: the Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections» // *Problems of Post-Communism*, vol. 59, no. 6: 3—14.

Gomm R., M.Hammersley, and P.Foster. (2000) *Case Study Method: Key Texts, Key Issues.* London: Sage.

Guriev S. and D.Treisman. (2019) «Informational Autocrats» // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 4: 100—127.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2015) «Transparency, Protest, and Autocratic Instability» // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 764—784.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2019) «Why Do Autocrats Disclose? Economic Transparency and Inter-elite Politics in the Shadow of Mass Unrest» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 6: 1488—1516.

Howard P.N. and M.M.Hussain. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press.

Lankina T., K.Watanabe, and Yu.Netesova. (2020) «How Russian Media Control, Manipulate, and Leverage Public Discontent» // Koesel K., V.Bunce, and J.Weiss, eds. *Citizens and the State in Authoritarian Regimes: Comparing China and Russia*. Oxford: Oxford University Press: 137—164.

Li O. (2021) «Grievances and Political Action in Russia during Putin's Rise to Power» // *International Journal of Sociology*, vol. 51, no. 4: 304—320.

Lussier D.N. (2016) *Constraining Elites in Russia and Indonesia: Political Participation and Regime Survival*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2010) «The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule» // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 3: 751—765.

Mirić S. and A.O.Pechenkina. (2023) «Elite Selection in Single-Party Autocracies: Minimizing Protests and Counterproductive State Violence to Maintain Social Stability» // *Political Research Quarterly*, vol. 76, no. 2: 607—621.

Panov P. and C.Ross. (2019) «Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime» // *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2: 268—289.

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2021) «Electoral Manipulation and Regime Support: Survey Evidence from Russia» // *World Politics*, vol. 73, no. 2: 275—314.

Robertson G. (2013) «Protesting Putinism: The Election Protests of 2011—2012 in Broader Perspective» // *Problems of Post-Communism*, vol. 60, no. 2: 11—23.

Rød E.G. (2019) «Fraud, Grievances, and Post-election Protests in Competitive Authoritarian Regimes» // *Electoral Studies*, vol. 58, April: 12—20.

Rød E.G. and N.B.Weidmann. (2015) «Empowering Activists or Autocrats? The Internet in Authoritarian Regimes» // *Journal of Peace Research*, vol. 52, no. 3: 338—351.

Rosenfeld B. (2018) «The Popularity Costs of Economic Crisis under Electoral Authoritarianism: Evidence from Russia» // *American Journal of Political Science*, vol. 62, no. 2: 382—397.

Rosenfeld B. (2020*) The Autocratic Middle Class: How State Dependency Reduces the Demand for Democracy*. Princeton: Princeton University Press.

Schedler A., ed. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Stokes S. (2005) «Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics» // *American Political Science Review*. vol. 99, no. 3: 315—325.

Tertytchnaya K. (2020) «Protests and Voter Defections in Electoral Autocracies: Evidence from Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 53, no. 12: 1926—1956.

Tertytchnaya K. and T.Lankina. (2020) «Electoral Protests and Political Attitudes under Electoral Authoritarianism» // *The Journal of Politics*, vol. 82, no. 1: 285—299.

Treisman D. (2011) «Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin» // *American Journal of Political Science*, vol. 55, no. 3: 590—609.

Treisman D. (2020) «Democracy by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government» // *American Political Science Review*, vol. 114, no. 3: 792—810.

Turner K. (2023) «A Win or a Flop? Measuring Mass Protest Successfulness in Authoritarian Settings» // *Journal of Peace Research*, vol. 60, no. 1: 107—123.

Приложение

Таблица 1 Результаты линейной регрессии с робастными стандартными ошибками при «жесткой» операционализации импульса мобилизации

Переменная	*Изменения в % за ЕР*			*Изменения в явке (2011—2016)*		
	Модель 1	*Модель 2*	*Модель3*	*Модель 4*	*Модель 5*	*Модель 6*
Свободный член	**-15,64**	**-15,96**	**-15,57**	-9,24	**-9,62**	-9,12
Импульс (log)	11,40	90,35	-21,46	-11,26	81,21	-75,42
ЭЧП	**6,19**	**5,66**	**5,85**	-2,07	-2,70	-2,75
Медиа	0,95	1,40	1,19	0,45	0,98	0,92
Прирост	-0,87	-0,67	-0,78	-0,84	-0,62	-0,67
Безработица	-0,24	-0,24	-0,22	-0,26	-0,27	-0,24
Импульс * Медиа		-28,74			-33,66	
Импульс * ЭЧП			14,51			28,33
N	69	69	69	69	69	69
R2 / скорр. R2	0,282 / 0,225	0,302 / 0,235	0,287 / 0,218	0,112 / 0,041	0,150 / 0,068	0,138 / 0,055

Рисунок 1 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «процент голосов за ЕР на выборах в Государственную Думу 2016 г.», Петропавловск-Камчатский**

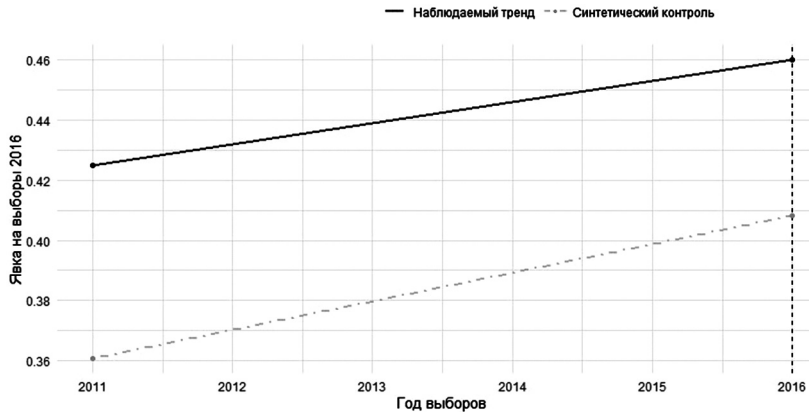
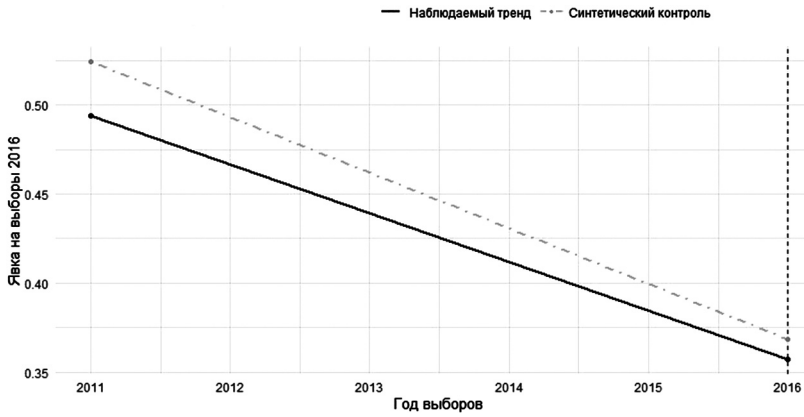


Рисунок 2 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «явка на выборы в Государственную Думу 2016 г.», Петропавловск-Камчатский**



A.V.Semenov, E.Yu.Minaeva

MOBILIZATION MOMENTUM AND ELECTORAL RESULTS OF "PARTY IN POWER"

Andrey V. Semenov — Ph.D. in Political Science; Research Fellow at the Institute of Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Email: andre.semenoff@gmail.com.

Eleonora Yu. Minaeva — M.A. in Political Science; Ph.D. Student at the European University Institute in Florence (Italy). Email: eleonora.minaeva@eui.eu.

Abstract. The article examines the connection between protests and elections in an authoritarian context. Using the concept of mobilization momentum, the authors attempt to find out whether intensive and massive collective actions on the eve of elections can affect electoral mobilization and support for the "party in power", and if so, in what direction.

Based on the modern literature on this topic, the authors identify two alternative models of the possible electoral effect of the mobilization momentum. According to the first model, by breaking through the information blockade and signaling to citizens about the widespread dissatisfaction with the authorities' policies, intense mass protests contribute to an increase in voters' turnout and a decrease in support for pro-government forces. According to the second model, such protests may easily increase the electoral performance of the "party in power," since they often lead to the mobilization of an electorate that is loyal to the ruling circles.

The authors test these hypotheses against the evidence from the 2011—2016 parliamentary electoral cycle in Russia using methods of standard multiple linear regression, difference-in-differences and synthetic control. The results are mixed. It appears that the mobilization momentum has a weak electoral effect or even a positive effect on the performance of the "party in power," but its influence may depend on threshold values: in the most protesting cities, support for the United Russia turns out to be lower than it would be in the absence of the mobilization momentum. At the same time, the findings convincingly demonstrate that the evidence and data from the Russian context, combined with modern methods of analysis, opens up an excellent opportunity for research at the intersection of the spheres of political participation and electoral politics.

Keywords: mobilization momentum, collective action, electoral politics, "party in power"

References

Abadie A. (2021) "Using Synthetic Controls: Feasibility, Data Requirements, and Methodological Aspects" // *Journal of Economic Literature*, vol. 59, no. 2: 391—425.

Abadie A., A.Diamond, and J.Hainmueller. (2015) "Comparative Politics and the Synthetic Control Method" // *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 2: 495—510.

Beazer Q.H. and O.J.Reuter. (2019) "Who Is to Blame? Political Centralization and Electoral Punishment under Authoritarianism" // *The Journal of Politics,* vol. 81, no. 2: 648—662.

Beissinger M.R. (2007) "Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions" // *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 2: 259—276.

Carter E.B. and B.L.Carter. (2023*) Propaganda in Autocracies: Institutions, Information, and the Politics of Belief*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chenoweth E. and M.Belgioioso. (2019) "The Physics of Dissent and the Effects of Movement Momentum" // *Nature Human Behaviour*, vol. 10, no. 3: 1088—1095.

Gandhi J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gehlbach S. (2010) "Reflections on Putin and the Media" // *Post-Soviet Affairs*, vol. 26, no. 1: 77—87.

Gehlbach S. and K.Sonin. (2014) "Government Control of the Media" // *Journal of Public Economics*, vol. 118, issue C: 163—171. URL: https://scottgehlbach.net/wp-content/uploads/2014/01/Gehlbach_Sonin_Media.pdf (accessed on 29.10.2023).

Gel'man V.Ya. (2019) *"Nedostojnoe pravlenie": Politika v sovremennoj Rossii* [Bad Governance: Politics in Contemporary Russia]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Golosov G.V. (2011) "Party System Classification: A Methodological Inquiry" // *Party Politics*, vol. 17, no. 5: 539—560.

Golosov G.V. (2012) "The 2012 Political Reform in Russia: the Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections" // *Problems of Post-Communism*, vol. 59, no. 6: 3—14.

Gomm R., M.Hammersley, and P.Foster. (2000) *Case Study Method: Key Texts, Key Issues*. London: Sage.

Guriev S. and D.Treisman. (2019). "Informational Autocrats" // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 4: 100—127.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2015) "Transparency, Protest, and Autocratic Instability" // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 764—784.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2019) "Why Do Autocrats Disclose? Economic Transparency and Inter-elite Politics in the Shadow of Mass Unrest" // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 6: 1488—1516.

Howard P.N. and M.M.Hussain. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press.

Kynev A.V. (2016) "Rossijskie vybory-2016: predskazuemaja kampanija s nepredskazuemymi posledstvijami" [Russian Elections-2016: Predictable Campaign with Unpredictable Aftermath] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 6: 57—74. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m71ltrene0/direct/201381768?ysclid=lnizkmx76j568881956 (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Kynev A.V. (2017) "Gosudarstvennaja Duma RF VII sozyva: mezhdu „spjashchim potentsialom" i partijnoj distsiplinoj" [State Duma of the Russian Federation of the VII Convocation: Between "Sleeping Potential" and Party Discipline] // *Politeia*, no. 4 (87): 65—81. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-65-81.pdf (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Lankina T., K.Watanabe, and Yu.Netesova. (2020) "How Russian Media Control, Manipulate, and Leverage Public Discontent" // Koesel K., V.Bunce, and J.Weiss, eds. *Citizens and the State in Authoritarian Regimes: Comparing China and Russia*. Oxford: Oxford University Press: 137—164.

Li O. (2021) "Grievances and Political Action in Russia during Putin's Rise to Power" // I*nternational Journal of Sociology*, vol. 51, no. 4: 304—320.

Lussier D.N. (2016) *Constraining Elites in Russia and Indonesia: Political Participation and Regime Survival*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2010) "The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule" // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 3: 751—765.

Mirić S. and A.O.Pechenkina. (2023) "Elite Selection in Single-Party Autocracies: Minimizing Protests and Counterproductive State Violence to Maintain Social Stability" // *Political Research Quarterly*, vol. 76, no. 2: 607—621.

Panov P. and C.Ross. (2019) "Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime" // *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2: 268—289.

Petrov N. and A.Titkov. (2013) *Rejting demokratichnosti regionov Moskovskogo tsentra Karnegi: 10 let v stroju* [The Carnegie Moscow Center Democracy Index for Russian Regions: 10 Years in the Ranks]. Moscow: Moskovskij tsentr Karnegi. URL: https://www.hse.ru/data/2014/04/27/1336134094/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2021) "Electoral Manipulation and Regime Support: Survey Evidence from Russia" // *World Politics*, vol. 73, no. 2: 275—314.

Robertson G. (2013) "Protesting Putinism: The Election Protests of 2011—2012 in Broader Perspective" // *Problems of Post-Communism*, vol. 60, no. 2: 11—23.

Rød E.G. (2019) "Fraud, Grievances, and Post-election Protests in Competitive Authoritarian Regimes" // *Electoral Studies*, vol. 58, April: 12—20.

Rød E.G. and N.B.Weidmann. (2015) "Empowering Activists or Autocrats? The Internet in Authoritarian Regimes" // *Journal of Peace Research*, vol. 52, no. 3: 338—351.

Rosenfeld B. (2018) "The Popularity Costs of Economic Crisis under Electoral Authoritarianism: Evidence from Russia" // *American Journal of Political Science*, vol. 62, no. 2: 382—397.

Rosenfeld B. (2020*) The Autocratic Middle Class: How State Dependency Reduces the Demand for Democracy*. Princeton: Princeton University Press.

Schedler A., ed. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Semenov A. (2018) "Sobytijnyj analiz protestov kak instrument izuchenija politicheskoj mobilizatsii" [Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 17, no. 2: 317—341. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2018/06/30/1153085896/SocOboz_17_2_317-341_Semenov.pdf?ysclid=lql255ez2t409498583 (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Semenov A.V. and E.S.Popkova. (2020) "Reaktsija vlasti na politicheskuju mobilizatsiju v Rossii (Na primere kampanii Alekseja Naval'nogo 2017—2018 godov)" [Authorities' Response to Political Mobilization in Russia (On the Example of Alexei Navalny's 2017—2018 Campaign)] // *Politeia*, no. 2 (97): 142—157. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-142-157.pdf (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Stokes S. (2005) "Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics" // *American Political Science Review*. vol. 99, no. 3: 315—325.

Tertytchnaya K. (2020) "Protests and Voter Defections in Electoral Autocracies: Evidence from Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 53, no. 12: 1926—1956.

Tertytchnaya K. and T.Lankina. (2020) "Electoral Protests and Political Attitudes under Electoral Authoritarianism" // *The Journal of Politics*, vol. 82, no. 1: 285—299.

Treisman D. (2011) "Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin" // *American Journal of Political Science*, vol. 55, no. 3: 590—609.

Treisman D. (2020) "Democracy by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government" // *American Political Science Review*, vol. 114, no. 3: 792—810.

Turner K. (2023) "A Win or a Flop? Measuring Mass Protest Successfulness in Authoritarian Settings" // *Journal of Peace Research*, vol. 60, no. 1: 107—123.